ВАЛЬТЕР ШЕЛЛЕНБЕРГ

РАЗВЕДКА ТРЕТЬЕГО РЕЙХА И ЕЕ ШЕФ

ОТКРОВЕНИЯ САМОГО УСПЕШНОГО НЕМЕЦКОГО РАЗВЕДЧИКА

МОСКВА

УДК 929(430)"1910/52
ББК 63.3(4Гем)62-8
Ш44

Шелленберг, Вальтер.

Ш44 Разведка Третьего рейха и ее шеф / Вальтер Шелленберг ; [перевод с английского, комментарии К. К. Семенова]. — Москва : Эксмо, 2026. — 592 с.

ISBN 978-5-04-246251-1

Восхождение Вальтера Шелленберга в орбиту спецслужб Германии было ярким и стремительным. В 31 год он практически возглавил внешнюю разведку СД, которая затем частично поглотила военную разведку — абвер. К концу Второй мировой войны Шелленберг стал одним из самых успешных руководителей немецкой разведки.

В своих мемуарах Шелленберг рассказывает о самых главных операциях VI управления РСХА, как против западных союзников, так и против Советского Союза. Операция «Венло», неосуществленное похищение герцога Виндзорского, создание салона Китти, освобождение Муссолини, диверсии в советском тылу и другие операции германских спецслужб подробно описаны на страницах этой книги. Но насколько правдивы были воспоминания Вальтера Шелленберга? О чем умолчал автор, а что приукрасил? Публикуемые в этом издании документы и комментарии, позволяют по-новому взглянуть на уже известные события и узнать тайны разведки.

УДК 929(430)"1910/52
ББК 63.3(4Гем)62-8

© Пер. с англ. яз., комментарии, Семенов К.К., 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-246251-1

ПРЕДИСЛОВИЕ
К НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ

Не прекращаются слухи о том, что Вальтер Шелленберг, шеф бывшей германской тайной службы, все еще жив. Утверждают, что он только скрывается, работая неузнанным (ведь искусство маскировки — его профессия) где-нибудь в Испании, Египте, в одной из арабских стран и бог знает где еще. Место жительства его призрачного существования довольно часто меняется. Если верить сенсационным сообщениям некоторых газет, его можно назвать Агасфером разведки. Но это не так. Он мертв. Он умер в начале марта 1952 года в Турине. Там же он похоронен.

Последний раз я видел его в октябре 1951 года. Он был очень болен и уже не мог довести до конца начатую работу. Смерть Шелленберга была нелегкой. Уже много лет его мучила болезнь печени. Он давно знал о необходимости срочного хирургического вмешательства. Но все откладывал, боясь операции. В конце концов время было упущено. Помощь туринских врачей пришла слишком поздно. За страх смерти он расплатился собственной жизнью: таков совершенно обычный конец человека, последние годы жизни которого были полностью лишены чего-либо яркого и экстравагантного, который влачил бедное событиями существование, полное горечи поражения, у которого не было даже сил на отчаяние.

И этот человек, и его смерть мало пригодны для того, чтобы стать предметом легенды. Но судьба его была необычной. Судьба оказалась значительнее того, кому она досталась. В этой жизни было все, что делает ее исключительной: слава, власть, приключения, героизм, фантастика; коснулась она и сферы преступления. Но в конечном счете все эти очень большие слова не подходят к Вальтеру Шелленбергу: они болтаются вокруг фигуры реального человека, как костюм слишком большого размера.

Когда я впервые встретил его в Палланце на Лаго-Маджоре, на одной дружеской вечеринке в конце лета, я с трудом различил его среди гостей, собравшихся в большом отеле. Худощавый человек среднего роста, корректно одетый, не лишенный обаяния, у которого ни в жестах, ни в одном движении, ни в одной черте лица не было ничего бросающегося в глаза. Его можно было принять за любезного адвоката или за предпринимателя средней руки. Его вежливость казалась слишком напряженной, чтобы быть искренней. Несомненно, от этого человека исходило какое-то смутное обаяние, которое он временами пытался заставить сверкать во всю мощь. Он говорил спокойно, приглушенным и мягким голосом; он составлял фразы с небрежностью, мешающей ему полностью убедить собеседника. Тон его разговора временами нарушала какая-то странная нервозность. Становилось ясно, что Шелленберг старается в первое же мгновение завоевать своего собеседника при помощи тихой, почти незаметной атаки. Чувствовалось, что он не в состоянии переносить недоверчивую отчужденность и сдержанность, что он давно уже не обладает той уверенностью в себе, какую охотно демонстрирует. Казалось, его большие светлые глаза не перестают выпытывать у собеседника, как тот «относится» к Шелленбергу, в состоянии ли еще он, бывший шеф германской тайной службы, оказывать на окружающих такое же влияние, как это бывало раньше. Осторожная реакция партнера портила ему все удовольствие от беседы. Он чувствовал себя вынужденным усилить нажим. На глазах его самоуверенность превращалась в банальное тщеславие. В этом, конечно, нет ничего удивительного. Самоуверенность Шелленберга была лишена всякой социальной опоры. Его родители принадлежали к среде обедневшего бюргерства, ставшего жертвой войны, революции и инфляции. В юности ему, несомненно, пришлось узнать нужду. В наследство от родителей ему досталась, пожалуй, социальная амбиция — средств же для ее удовлетворения не хватало. Таковы классические условия для становления парвеню, человека, стремящегося любой ценой «выбиться в люди», испытывающего сомнительную страсть к общению с «избранным обществом» и склонного добиваться своего на пути авантюр и несолидных спекуляций, а не в результате упорного труда. После Первой мировой войны стендалевский Жюльен Сорель наверняка не

облачился бы в сутану священника. Пример этот выбран не случайно: люди, подобные Шелленбергу, склонны к сомнительной романтике. Их с магической силой притягивает мир, расположенный по ту сторону установленных порядков, по ту сторону скучной расчетливости. Необычное у них — в порядке вещей, случайное для них — правило. Недаром Шелленберга особенно привлекала эпоха Возрождения. В этом он сближается с представителями «потерянного поколения» послевоенной Европы. Их восхищение мощью торжествующей воли героических личностей соответствовало их собственной слабости. Их внутренняя раскованность делала их рабами коллективизма. Слабости и дарования, сплетенные в этих людях воедино, вели между собой роковую игру.

Когда, например, Шелленберг наталкивался в деловом споре на упорное сопротивление, он умел изменить тактику, отказавшись от грубого психологического давления. В течение нескольких секунд исчезало его озлобленное напряжение; сложив оружие, мило улыбаясь, он соглашался на капитуляцию, условия которой пытался выторговать с невозмутимой терпимостью. Насколько сильно было в нем стремление оказывать влияние на окружающий его мир и людей, настолько же легко он сам поддавался чужому влиянию.

В этом сильном рецептивном таланте скрывалась способность к духовной приспособляемости, которая, несомненно, до известной степени объясняет тайну его блестящей карьеры. В то же время она проявилась и как опасная слабость. Способность к приспособлению означала и ненадежность. С почти женской чувствительностью уживалась капризность опереточной дивы, уже не уверенной в собственном успехе. У Шелленберга не было ярко выраженного подлинно мужского характера. Было бы преувеличением назвать его сильной личностью.

Однако справедливость требует признать, что я познакомился с ним впервые в тот момент, когда он был болен, ослаблен неудачами, измучен заботами — одним словом, сломлен. Повсюду — за едой, работой, во время вечерней беседы у стойки бара — время от времени в его лице появлялось выражение едва переносимой физической боли. Когда он обедал, его прибор всегда окружала батарея пузырьков с лекарствами. В последние недели нашего знакомства его физический распад происходил

буквально на глазах. Кроме того, почти ежедневно его терзали заботы о семье и своих финансовых делах. Правда, он не проявлял чрезмерной бережливости и не накладывал на себя особых ограничений в этом курортном отеле, обставленном с феодальной роскошью. Тем не менее он с трудом сводил концы с концами. Аванс, полученный им под свою книгу, ни в коем случае не позволял ему делать те расходы, к которым он привык. Было неясно, из каких источников черпает он средства на оплату своего пребывания на курорте. Тактичность не позволяла спросить его об этом. Но он сам чувствовал себя обязанным время от времени — каждый раз по-новому — рассказывать о своих финансовых результатах. Его объяснения звучали довольно фантастически. То он говорил, что им заинтересовалась одна богатая француженка, принадлежащая к кругам, связанным с косметической промышленностью. В другой раз он давал понять, что погибший от рук наемных убийц шведский граф Бернадотт завещал ему, в знак благодарности, немалую сумму. Рассказывая такого рода истории, он пристально вглядывался в собеседника, пытаясь узнать, верит ли тот его словам. В то же время им владела страсть к скрытности. Когда его касса истощалась, он посещал расположенный неподалеку Милан. Всякий раз он окружал эти небольшие поездки такой тайной, как будто это было из ряда вон выходящее событие. Казалось, ему было трудно хранить полное молчание. Он удовлетворялся тем, что в неоконченной фразе или живописном рассказе обращал внимание слушателей на то, что встречался с очень важными лицами, поддерживающими связи с Ватиканом, Испанией или крупной промышленностью.

Нужно было обладать талантом криминалиста, чтобы выведать истинное положение вещей. Впрочем, стоило ли трудиться? Психологическая картина была, несомненно, гораздо более захватывающей: Вальтер Шелленберг решительно отказывался хотя бы на минуту признать, что давно уже перестал быть участником активной политической жизни. Видимо, нужно обладать особой силой духа, чтобы стойко перенести осуждение на ничтожность.

Шелленбергу было 34 года, когда он, сделав головокружительную карьеру, находился в числе руководителей государства, обладающего чудовищной мощью. Очень молодому человеку

удалось завладеть правом распоряжаться организацией, крайне важной для государства: разведкой. Наконец, в последние дни войны он, благодаря своему влиянию на Гиммлера, имел шансы воздействовать на судьбу целой нации и всего континента. Всего через несколько месяцев после этого английские офицеры, неустанно допрашивавшие его, выложили ему, что он — всего-навсего незаслуженно переоцененный фаворит режима, не отвечающий ни задачам, стоявшим перед ним, ни исторической обстановке. На Нюрнбергском процессе он боролся за жизнь с почти унизительным рвением. После суда «яркий молодой человек» национал-социалистического руководства обречен был влачить изнуряющее монотонное существование в качестве узника, охраняемого бдительной стражей. После того, как ему сделали операцию, американцы выпустили его, совершив акт милосердия. Он был вынужден тайно поселиться в Швейцарии — стране, которая, несомненно, благодарна ему за многое, поскольку он способствовал тому, чтобы предотвратить нападение Гитлера на Швейцарию. В конце концов полиция этой страны указала ему на дверь. Италия предоставила ему убежище. Она согласилась впустить его, хотя и не без колебаний и бюрократических проволочек. Но самое худшее было в другом: власти страны, оказавшей ему гостеприимство, не обращали на него почти никакого внимания, довольствуясь весьма поверхностным наблюдением, так как, по-видимому, никто не предполагал, что этот больной человек может представлять для страны какую-либо опасность или хотя бы неудобство. Такое пренебрежение было для Шелленберга, пожалуй, самым тяжким ударом. В свое время он играл крупную роль, а теперь, всего через несколько лет, он очутился в положении вышедшего из моды актера, которому никто не хотел верить, что он когда-то был одним из главных персонажей эпохальной трагедии. Однако Шелленберг не бросил игру. Он создал себе искусственный мир. Ему постоянно казалось, что за ним следят тысячи глаз. Разумеется, он полагал, что итальянская полиция и английские или французские агенты следят за каждым его шагом. На самом деле, после выхода на свободу он пытался без особого успеха восстановить некоторые из старых звеньев своей службы. Если верить его сообщениям, он послал одного из бывших сотрудников швейцарской разведки к великому муфтию Иерусалима; однажды

он показал дружеское письмо одного жителя Востока, который к тому времени давно нашел убежище в Египте. В 1951 году он сам предпринял поездку в Испанию, чтобы возобновить связи с эмигрировавшими туда руководителями СС; он использовал этот визит также для примирения со своим старым соперником — Отто Скорцени. Как-то в один из вечеров он рассказал, что из Израиля ему прислали драгоценное украшение. На вопрос, какие же цели, по его мнению, преследуют евреи, доказывая ему свою дружбу, он сначала просто отмахивался. Наконец дал понять, что это выражение признательности за его гуманное отношение к евреям в последние месяцы войны; кроме того, он полагал, что евреи, видимо, хотят удержать его от предложения своих услуг арабам.

Все это свидетельствовало о попытке получить новый ангажемент после коротких гастролей на исторической сцене — попытке почти трогательной. Я не знаю, предлагал ли когда-нибудь Вальтер Шелленберг какой-либо союзной державе свое сотрудничество в борьбе против коммунизма. То, что ему ни разу не предлагали встать в ряды тайного фронта разведок Запада, он воспринимал болезненно. Он знал о том, что генерал Гелен, руководитель отдела «Иностранные армии Востока» Генерального штаба вермахта, вновь создал свою службу под покровительством американцев, еще находясь в заключении. Этот успех старого конкурента, в свое время обойденного, должен был уязвлять самолюбие Шелленберга, тем более что служба Гелена еще во время войны нанесла ему чувствительное поражение. Шелленберг всегда стремился к объединению под своим командованием военной и политической разведок; когда он после ареста адмирала Канариса в апреле 1944 года наконец объединил абвер и зарубежную службу безопасности, уже существовал полностью независимый новый военный аппарат разведки, который невозможно было ни захватить в свои руки, ни уничтожить — отдел Гелена «Иностранные армии Востока». В то время, посетив как-то Гелена, Шелленберг должен был признаться генералу, что сам он никогда бы не смог взять на себя эту требующую строго научного подхода задачу. В длительном упорном состязании между политической организацией и военной разведкой Шелленберг был побежден, как тот заяц, который бегал наперегонки с ежом — только он обошел

Канариса, как впереди его уже оказался Гелен. Было вполне понятно, что Шелленберг с ненавистью вспоминал о своем умном сопернике, который, в отличие от него, устранил в работе своего центрального аппарата черты авантюризма — и тем самым оказался в выигрыше.

Теоретически Шелленберг тоже полностью сознавал, что руководство разведывательным аппаратом — сухое, требующее трезвого подхода, тонкое ремесло. Но в своей деятельности он, видимо, не делал для себя из этого никаких практических выводов. Да и как мог он это сделать? Окружение, в котором он работал и жил, вряд ли терпимо отнеслось бы к такой деловитости. Читатель мемуаров Шелленберга увидит перед собой пугающе точную картину политического стиля и частной жизни Гитлера и его ближайших вассалов. Похоже, что все они понимали политику как гигантскую интригу, борьбу за власть как смертельную борьбу всех со всеми, и войну — прежде всего войну на тайном фронте — как чудовищную игру в индейцев. В то же время они были способны осуществлять уничтожение целых народов и рас с бухгалтерской педантичностью.

Вальтер Шелленберг был креатурой шефа СД Гейдриха, которого ему удалось выразительно запечатлеть в своих воспоминаниях. Этот потерпевший по службе фиаско морской офицер, несомненно, был, наряду с рафинированным интеллигентом министром пропаганды Геббельсом, самым блестящим и интересным представителем нацизма — талантливый организатор и администратор, он в то же время был авантюристом и гангстером по своей природе. Гений зла (если так угодно его назвать), он во многом превосходил и своего непосредственного начальника, уголовных дел мастера, Генриха Гиммлера, и, благодаря ледяной ясности своего мышления, самого одержимого фюрера. Шелленберг не раз говорил, что Гейдрих не поколебался бы устранить Адольфа Гитлера, если бы успел увидеть собственными глазами, как диктатор от поражения к поражению толкает рейх в пропасть. Можно предположить, что этот ужасный наследник Фуше «уладил» бы дело Гитлера с таким же хладнокровием, как и еврейский вопрос. Идеология и мировоззрение были для Гейдриха ничто, а власть — все. И в этом Шелленберг проявил себя способным учеником. Если бы Шелленберга спросили, был ли он когда-нибудь убежденным национал-соци-

алистом, он бы, вероятно, в ответ с наивным возмущением спросил, как собеседник додумался до такого. Может быть, в начале своей карьеры его и восхищала «идея» национал-социализма. Но крайне маловероятно, чтобы он сохранил какой-то идеологический энтузиазм после того, как сам стал вхож в общество кошмарных полубогов нацизма, приобщившись тем самым к власти. Он не был тем человеком, который смог бы выработать стойкий иммунитет против цинизма Гейдриха.

Молодой человек, покровительствуемый и поощряемый Гиммлером и другими, избалованный успехом, вел рискованную игру, ставкой в которой было приспособленчество, а выигрышем — власть. Он должен был действовать в окружении, в котором не существовало даже элементарных моральных принципов. Допустим даже, что он приспособился к законам высших нацистских кругов не без колебаний, часто противясь им, может быть, даже иногда ужасаясь в душе. Но все-таки он предпочел приспособиться. Одной из таких уступок был и его развод с первой женой, трудолюбивой портнихой, которая кормила полуголодного боннского студента все годы его учебы. Развод, совершенный в 1941 году, возможно, и для Шелленберга был нелегким шагом, но тем не менее, он пошел на него с таким хладнокровием и твердостью, какие трудно было на первый взгляд заподозрить в этом, пожалуй, сентиментальном человеке. Существуют сведения, содержащие указание на то, что Шелленберг вместе со своим другом профессором де Кринисом пытался добиться развода с первой женой, засвидетельствовав ее психическую неполноценность. Уважение к личной жизни человека требует предполагать, что его второй брак продиктован искренним чувством. И все-таки есть что-то неприглядное в том, что он расстался с верной спутницей своей молодости именно в тот момент, когда достиг своей первой тщеславной цели — поста руководителя иностранного отдела СД. Происшедшие почти одновременно резкие изменения в его личной и деловой жизни соответствуют правилам, которыми обычно руководствуется выскочка, добившийся успеха. Чувство и расчет не всегда являются противоположностями, довольно часто они образуют своеобразное единство. Да и вообще приспособленчество — не только слабость, но и талант. Без этого таланта карьера Шелленберга была бы невозможной.

Национал-социалистическое движение 1933 года, видимо, мало интересовало его с политической точки зрения; по крайней мере, от Гитлера он был очень далек. Он сам в первой главе в скупых фразах говорит о случайностях, определивших начало его карьеры. Однако нам представляется необходимым описать его «старт» несколько точнее, чем это сделал он сам. После того как Шелленберг примкнул к одной национал-социалистической организации, он вскоре перестал испытывать какие-либо неудобства перед тем, чтобы быть осведомителем службы безопасности, собирая информацию о своих товарищах и профессорах университета. Напрашивается подозрение: не был ли Шелленберг просто-напросто доносчиком?

Не нужно чрезмерно напрягать фантазию, чтобы представить себе истинное положение дел. Даже в самых неприятных для него главах мемуаров Шелленберг прибегает к очень небрежной и поверхностной маскировке. Довольно трудно уличить его в грубой лжи или откровенном искажении фактов. Страсть к смакованию подробностей соблазнила его прибегать к полуправде в своих воспоминаниях. Кроме того, он мастерски владел искусством самовнушения. Рассматриваемая под таким углом зрения книга Шелленберга исполнена обезоруживающей, хотя и субъективной, искренности, наивной откровенности, которую порой ощущаешь почти как бесстыдство.

Но где же все-таки его фантазия выходит за рамки реальности? К наиболее содержательным страницам его книги можно отнести те, где он изображает свои изменчивые и сложные отношения с Гейдрихом. Ни один человек из всех, кого ему приходилось встречать за время своей карьеры в Третьем рейхе, не производил на него более сильного и глубокого впечатления. Этого человека он вряд ли смог бы когда-нибудь одолеть. Он уважал, боялся и любил этого человека, превосходившего его во всех отношениях, под обаянием которого он находился всю свою жизнь. Ни Гиммлер, ни Риббентроп, ни даже Борман не представляли для него, по всей вероятности, уже в последние годы войны, проблемы. Но Гейдрих... Почти с первого же упоминания о своих беседах с Гейдрихом он создает противоречивый образ, который достаточно ясно опровергают факты. Ненависть и обожание в повествовании Шелленберга сменяют друг друга, сталкиваются и разрастаются до огромных размеров.

Шелленберг не колеблясь осуждает аморальность своего шефа. Но когда он рассказывает о том, как Гейдрих доверил ему отдел иностранной разведки, то даже через много лет он не в силах подавить в себе чувство торжества и ребяческой гордости. Я вспоминаю фантастический рассказ Шелленберга о попойке с Гейдрихом и гестаповским палачом Мюллером, когда Шелленберг подвергся строгому допросу о неофициальной поездке с женой Гейдриха; в это время ему в стакан подсыпали яду, а после того, как он признался в этом, ему в тот же стакан бросили противоядие. Эта история похожа на плод разгоряченного воображения мальчишки. Можно пожалеть Шелленберга, ставшего жертвой школярской шутки. Но сам он не допускал и мысли о том, что его, по всей вероятности, разыграли. Допустим, что все было именно так, как он рассказал. Поверим в его почти невероятные истории. Но тогда о нем можно сказать, что этот человек без особенных душевных мук принял как нечто само собой разумеющееся жизнь, объединяющую в себе разбойничью романтику с расчетливой уголовщиной.

Так где же здесь истина? Как удавалось утвердиться в самом средоточии политической преступности и в то же время не заразиться (как изображает Шелленберг) ее пороками? Как удалось ускользнуть от вируса того холодного безумия, которое давало отпрыскам культурных европейских наций способность к рационализации и усовершенствованию преступления? Шелленберг сообщает, что за несколько недель до нападения на Советский Союз Гейдрих поручил ему обсудить и урегулировать с генерал-квартирмейстером Вагнером из Верховного командования вермахта вопросы использования СД на русской территории. С почти невинным удовлетворением намекает Шелленберг на то, что у Мюллера не хватило умения расположить к себе и убедить чопорного служаку. Он же, со своим умением подбирать элегантные формулировки, добился, не теряя напрасно времени, урегулирования всех недоразумений. Он пишет также, что в конце последнего совещания с генералом Вагнером, когда вопрос уже был решен, Гейдрих отослал его из комнаты: через дверь он слышал возбужденные голоса — больше ничего. Шелленберг умалчивает, что именно на этом совещании «айнзацгруппы» СД получили право без суда и следствия расстреливать тысячи евреев, находящихся в тылу немецких войск, —

что тем самым был начат ужасный марш к «окончательному решению» еврейского вопроса. Шелленберг не подозревает об этом. А может?.. Где же правда? Никто не может дать нам точного ответа. Гейдрих — мертв. Генерал-квартирмейстер Вагнер был казнен за участие в заговоре 20 июля 1944 года.

В протоколах Нюрнбергского процесса над главными военными преступниками отмечено, что Шелленберг, выступая как свидетель по делу Кальтенбруннера, сказал, что он присутствовал при последнем совещании Гейдриха с генералом Вагнером всего лишь в качестве протоколиста. И тем не менее тогда, в 1945 году, он тоже боролся за спасение своей жизни. Хотя тщеславие и жажда рекламы заставили его в своих мемуарах довольно близко придерживаться истины, но сказать окончательную и полную правду он страшился.

Так же завуалированно изображены его отношения с адмиралом Канарисом, который, видимо, испытывал к нему расположение старшего товарища. Может быть, чувствовал в нем союзника. В то же время и та чисто человеческая симпатия, с которой Шелленберг относился к загадочному и одновременно столь чуждому всякой скрытности руководителю военной разведки, была искренней и вполне вероятной. Но адмирал стоял у него на пути. Только после отстранения Канариса от дел Шелленберг смог бы осуществить свой тщеславный замысел — объединить политическую и военную тайные службы. Наконец, он сам осуществил арест своего конкурента и бывшего приятеля. Как он это сделал? Мучаясь в душе? Или хотя бы был ошеломлен и подавлен, исполнен чувства вины и стыда? Он удовлетворяется ссылкой на то, что шеф гестапо Генрих Мюллер дал ему категорический приказ арестовать Канариса. Отказ, по словам Шелленберга, был невозможен. Он добавил еще, что надеялся что-нибудь сделать для Канариса. Но в дальнейшем он уже не упоминает об адмирале.

Шелленберг видел в этом особом задании простое опасное проявление злобы Мюллера по отношению к нему. Он расценивает его как звено в цепи улик, должных доказать, что Генрих Мюллер, руководитель IV управления тайной государственной полиции в Главном имперском управлении безопасности, был его смертельным врагом, постоянно замышлял козни против него, Шелленберга, и всегда стремился погубить его. Шеллен-

берг проявляет немало изобретательности в изображении тех теплых чувств, которые, по его словам, испытывал Мюллер по отношению к большевизму. Он предлагает нам сделать сенсационный вывод, будто бы в апреле 1945 года, когда над Берлином опустились «сумерки богов», Мюллер перебежал к русским. Читателю он предоставляет право строить догадки. В разговорах же со мной он не терпел ни малейших сомнений в своем утверждении, что Мюллер состоял на службе у русских. Он даже опасался, как бы Мюллер не натравил на него агентов МВД. Более того, он считал возможным, что Мюллер или его московские друзья — ведь к тому времени его бывший конкурент мог умереть — готовят на него покушение. Да, тот, кто достаточно долго занимался шпионажем и тайной деятельностью, как бы самой жизнью осужден видеть в каждом кельнере — осведомителя, в любой торговке овощами — агента разведки. Я вспоминаю, как однажды, беседуя со мной в парке отеля в Палланце, Шелленберг внезапно запнулся и понизил голос: навстречу нам шла пожилая жена садовника, только и всего. Шелленберг прошептал: «Французы всегда охотно использовали пожилых женщин в качестве агентов...»

Вполне возможно, что, поддавшись паническому страху перед своим старым соперником Мюллером, Шелленберг стал жертвой легенды, созданной им самим. В этой легенде, как бы критически к ней ни относиться, все же, пожалуй, есть зерно истины. Ему необходим был этот смертельный враг для самооправдания — это во-первых. Во-вторых, по крайней мере с 1943 года, он, благодаря естественному ходу вещей, стал врагом Мюллера, бывшего комиссара баварской уголовной полиции, кругозор которого, несмотря на приписываемую ему склонность заигрывать с Востоком, был ненамного шире пространства, окруженного стенами подвалов гестапо.

Говоря о таланте приспособленца, дарованном Вальтеру Шелленбергу, следует признать; его способность применяться к обстоятельствам, развитие которых невозможно приостановить, его чувство реальности и прежде всего понимание действительного соотношения сил убедительно свидетельствуют о его уме, благодаря которому он далеко превосходил средний уровень нацистской элиты. Одним словом, он был просто слишком умен и слишком хитер, чтобы отдаться тому слепому

фанатизму, который даже в начале 1945 года, когда превращенная в руины страна была подхвачена водоворотом катастрофы, повелевал сражаться до «победного конца».

Он был слишком умен и в то же время слишком слаб. Он был лишен той страшной решимости идти до конца, которой требовало от своих служителей тоталитарное государство. Именно поэтому и не стал жертвой и исполнителем требований того извращенного «идеализма», во имя которого были уничтожены многие миллионы людей. Этим он отличается от таких, как Олендорф, который, как и сам Шелленберг, считался одним из самых способных людей в СС, этой гвардии фюрера, и который благодаря заботливому содействию Гиммлера сделал такую же блестящую карьеру. Олендорф на Нюрнбергском процессе был присужден к смертной казни, так как под его руководством было уничтожено более 90 тысяч евреев. Длительное время он командовал одной из тех «айнзацгрупп» СД, которые вылавливали на русской территории лиц еврейского происхождения и поголовно их расстреливали. Показания Олендорфа в Нюрнберге принадлежат к самым потрясающим свидетельствам о сущности тоталитарного государства, поскольку в лице этого человека перед судом предстала не бестия, а интеллектуальный преступник, идеологический террорист — «идеалист», наделенный обращенными во зло человечеству добродетелями Робеспьера — и все же человек, в конце концов осознавший, что заслуживает смерти.

В противоположность Олендорфу Шелленберг сумел уклониться от «выступления» в роли командира «айнзацгруппы». Почему он отказывался от этого — из осторожности или из чисто человеческих чувств? Кто решится ответить на этот вопрос? Иногда во мне шевелилось подозрение, что сообщения о массовых убийствах на Востоке, о концентрационных лагерях и газовых печах не особенно мешали жить Шелленбергу, пока ему удавалось держаться в стороне от этого мира ужасов. Както в последние годы войны Шелленберг серьезно поссорился с Олендорфом, который в конце концов, полный ненависти, обвинил Шелленберга в том, что он не является «настоящим и убежденным национал-социалистом». Возмущение Олендорфа можно понять. Сам он проявил «мужество» и готовность к преступлению. Можно предположить, что он страдал от со-

знания своей ответственности. И вдруг он сталкивается с Шелленбергом, который, проявляя незаурядную изворотливость, отказывается платить тоталитарному государству дань смертельного долга. Другими словами, Шелленберг не хотел быть преданным национал-социализму до гроба. Олендорф же сжег за собой все мосты. В отличие от него Шелленберг очень отчетливо видел, что главное — это спасти Германию (и самого себя) от неотвратимого поражения.

В своих мемуарах он подробно рассказывает о решающем разговоре с Гиммлером, который он имел в августе 1942 года при посещении штаб-квартиры рейхсфюрера в Житомире. Совершенно достоверно известно, что с этого момента Шелленберг не переставал убеждать Гиммлера в необходимости заключения мира. Историк может возразить, что он должен был учитывать тот факт, что ни один из представителей Запада не был готов к тому, чтобы вести переговоры с шефом СС. Шелленберг аргументировал тем, что поставить Гитлера на колени в состоянии только один из его могущественнейших паладинов, после того как с 20 июля 1944 года вермахт потерял свою власть и был обезоружен морально. Шелленберг с неумолимой ясностью сознавал, что мирные переговоры возможны лишь в том случае, если предварительно будет остановлена машина террора, потушены газовые печи и выпущены на свободу узники концентрационных лагерей.

Можно назвать это понимание и предвидение событий приспособленчеством. И все же поведение Шелленберга в момент катастрофы заслуживает некоторого уважения. Тысячи людей спасением своей жизни обязаны его разумной позиции. Нет никаких сомнений в том, что в те последние месяцы он ежедневно подвергался большому риску. Ведь любая попытка завязать контакты с лагерем противника рассматривалась Гитлером как заслуживающая смерти измена. Не остановился Шелленберг и перед тем, чтобы представить фюреру и его штаб-квартире на основе сообщений «Эгмонта» беспощадную картину безнадежного военного и политического положения Германии. Хаотические недели, отделявшие Германию от горького конца, были для Шелленберга временем, когда пробил его час, — он действительно имел шансы выйти на авансцену истории. Но его усилия были напрасны; они должны были кончиться неудачей,

так как было уже слишком поздно. Историки, вероятно, забудут о нем. Но если его имени суждено удержаться в памяти нашего столетия, то, вынося ему приговор, нельзя забывать о тех человеческих жизнях, которые он спас.

Разумеется, нельзя даже твердо сказать, считал ли сам Шелленберг своим личным долгом то, что он совершил во имя человечности. Такая точка зрения предполагает, что ему удалось на протяжении двенадцатилетнего шабаша национал-социалистов нерушимо сохранить в себе нравственные критерии христианства. Шелленберг был католиком. Но его связи с церковью, насколько известно, ослабли еще в школьные и студенческие годы. После 1933 года Шелленберг окончательно порвал с католичеством. (Правда, он был сторонником, особенно в годы войны, умеренной, терпимой религиозной политики.) Находясь в плену, он под влиянием пастора, который с особым усердием занимался духовным перевоспитанием интернированных национал-социалистов, вернулся в лоно церкви.

В Палланце Шелленберг тщательно следил за тем, чтобы не пропускать воскресные мессы. Он придавал очень большое значение тому, чтобы показать себя теперь верным сыном церкви; без тени смущения говорил, что постоянно носит крест на груди.

И снова напрашивается слово «приспособленчество». Однако нельзя целиком отказывать вновь обретенной религиозности Шелленберга во всякой искренности. Но в то же время субъективной честности его веры недостаточно, чтобы исправить его крайне неопределенное отношение к высшим ценностям жизни. Шелленберг был несчастным порождением несчастливой эпохи, детищем мировоззренческого хаоса, поразившего, подобно болезни, целый континент после крушения доставшихся в наследство от прошлого порядков, сметенных Первой мировой войной. Бури двадцатых годов выбросили его, как и тысячи других сыновей «потерянного» поколения, лишенного всяких корней, словно мусор, выбрасываемый прибоем, на берег тоталитарного государства. Одна лишь «воля к власти», которой были одержимы приверженцы правого (да и левого) немецкого радикализма, казалось, в состоянии наполнить души этих молодых людей. Лишь национал-социализм давал им своего рода пристанище, обеспечивая, таким образом, минимум безопас-

ности. Вспоминается зловещая формулировка Альфреда Розенберга: «Жизнь подобна марширующей колонне. Неважно, в каком направлении и к каким результатам она идет». Тоталитарное государство давало больше: успех, славу и деньги. Оно обещало удовлетворить любые тщеславные притязания.

В качестве буржуазного наследия Вальтер Шелленберг сохранил волю к индивидуальности, пусть и не очень сильную, которая так никогда и не давала ему полностью раствориться в рядах коричневого фронта. Отрывочные, не лишенные интереса знания, интеллигентность, чувство элегантного, хорошие манеры — все это спасло его от уподобления тысячам других рядовых приверженцев нацизма. Но с другой стороны, эти преимущества сделали из него типичного недоучку-интеллигента и социального выскочку. Его окончательный портрет можно охарактеризовать двумя словами — парвеню и авантюрист.

Таков был человек, который посреди покрытой пылью бархатной роскоши отеля на Лаго-Маджоре как-то признался мне, что один из его соседей по скамье подсудимых в Нюрнберге сказал ему, что он — Вальтер Шелленберг — должен был после победы национал-социализма, с наступлением золотой эры стать преемником Генриха Гиммлера на посту руководителя СС и главы «черной элиты»; видимо, только потому его не привлекали к непосредственному участию в преступлениях Третьего рейха, сказал Шелленберг, что хотели с концом эпохи массовых убийств и геноцида передать власть в «чистые руки» — о чем мечтал этот банкрот, которого история, взвесив на своих весах, нашла слишком легковесным.

Клаус Харпрехт

ПРЕДИСЛОВИЕ НЕМЕЦКОГО ИЗДАТЕЛЯ

Мемуары Вальтера Шелленберга являются книгой, которая поможет немецкому читателю восполнить многочисленные пробелы, существующие в области документальной историографии национал-социалистического режима. События и люди, изображенные в этой книге, уводят нас в бывшее имперское управление безопасности — за кулисы таинственной сцены, актеры которой руководили деятельностью подчиненной Генриху Гиммлеру Тайной государственной полиции, имперской уголовной полиции и службы безопасности.

Одной из ведущих фигур в этой сомнительной драматургии — хотя в соответствии с природой возглавлявшегося им управления сам он оставался малоизвестным — был Вальтер Шелленберг, последний шеф германской разведывательной службы при Гитлере. Незадолго до своей смерти Шелленберг решил приподнять занавес, скрывавший сцену, на которой он играл свою тайную роль.

Может ли то, что досталось нам в наследство от Шелленберга и стало теперь книгой, претендовать на звание произведения, написанного лично им? Я полагаю, что в качестве, так сказать, «непосредственного свидетеля» могу с чистой совестью рассеять кроющееся в подобном вопросе сомнение. Ибо не кто иной, как сам Шелленберг передал мне из рук в руки летом 1951 года плоды своих первых набросков. К тому времени он уже достиг конечной «станции» на своем жизненном пути, обосновавшись в санатории в Палланце (Северная Италия).

Как раз тогда бернское издательство Альфреда Шерца носилось с мыслью издать воспоминания шефа немецкой разведки. Меня попросили принять участие в подготовительной работе. До того момента я слышала о Шелленберге лишь в связи с Нюрнбергским процессом. Мое личное знакомство с бывшим

руководителем немецкой разведки состоялось в размеренной обстановке на итальянском курорте. Внешне Вальтер Шелленберг совсем не отвечал обычным представлениям о высшем руководителе тайной службы. Но я встретилась с ним не для того, чтобы пополнять свои личные впечатления, моя задача заключалась в большем: изучить определенный отрезок истории и приступить к трезвому, свободному от предубеждений и всех личных ощущений исследованию. И все же не могу умолчать о том, что иногда все во мне восставало против того, чтобы излагать на бумаге то, что диктовал Шелленберг или что необходимо было обобщить и переработать в рукописи — настолько, мягко выражаясь, мрачный, мефистофелевский мир вставал передо мной, вызванный из прошлого заклинаниями Шелленберга.

Наряду с различными частями рукописи, никак не связанными друг с другом ни структурно, ни хронологически, существовал еще и черновик, насчитывавший сотни страниц, который имел и вторую редакцию в машинописном варианте. Предстояло просмотреть весь материал и привести его в годный для опубликования вид, сохранив при этом стиль Шелленберга. Однако наступившая через два месяца смерть Шелленберга положила конец этой работе. Позднее этот материал через мюнхенское издательство «Квик» попал в Лондон, где в 1956 году был опубликован издательством Андре Дейча под заголовком «The Schellenberg Memoirs» («Мемуары Шелленберга»). Прежде чем англичане напечатали рукопись, мне удалось просмотреть ее, еще раз перелистав весь материал целиком, и убедиться в его подлинности и полноте. Если в английском издании использован не весь материал Шелленберга, как это сделано в настоящем немецком издании, все же не может быть никаких сомнений в том, что, несмотря на отдельные недоразумения и ошибки, столь естественные для иностранца, столкнувшегося с довольно неясной и полной противоречий манерой изложения, материал, лежащий в основе английской книги, принадлежит бывшему шефу немецкой разведки.

Когда в 1958 году литературное наследие Шелленберга вновь проделало путь из Англии в Германию и было в нераспечатанном виде передано мне для обработки, в нем отсутствовал, кроме отдельных набросков Шелленберга, повествующих